

очередь и закреплено в ст. 46 Конституции Республики Беларусь. Именно благоприятная окружающая среда является неотъемлемым условием существования человека, естественной потребностью, обеспечивающей нормальную жизнедеятельность как отдельной личности, так и общества в целом.

Подобное определение окружающей человека природной среды позволяет рассматривать обязанность граждан по ее охране как конституционную ценность исходя из ответственности народа Беларуси перед будущими поколениями. Понятие «будущее поколение» содержится в преамбуле Конституции и раскрывается в контексте принципа ответственности народа за настоящее и будущее Беларуси. Принцип ответственности перед будущими поколениями основывается на философском постулате о том, что человек и общество по своей природе устремлены в будущее и нацелены на выявление перспектив, сохранение своего бытия. В научной литературе отмечается, что результаты общественно-го развития привели к тому, что для человека, осознавшего отсутствие возможности познать последствия своей деятельности, будущее стало далеким и лишенным определенности, однако он не может не думать о будущем, о продолжении своего рода, так как это присуще его природе. Сегодня человек вступил в эпоху, в которой «ценностью из ценностей» является ответственность перед будущими поколениями.

В истории Беларуси во многих конституционных актах обязанности по охране окружающей среды закреплялись как основные (государственные). Например, во времена феодальных повинностей, когда об экологических проблемах никто и не помышлял, во всех трех Статутах ВКЛ (1529, 1566 и 1588 гг.) охране окружающей среды были посвящены целые разделы, содержавшие до 20 статей в каждом.

Из взаимосвязи между конституционным долгом граждан Республики Беларусь по охране природной среды и принципом ответственности перед будущими поколениями следует, во-первых, что указанный принцип определяет модели и стандарты должного поведения граждан, предписывающие сбережение совокупности существующих естественных природных условий (земля, воздух, вода, растительный и животный мир), в которых протекает деятельность человеческого общества. Во-вторых, модели и стандарты такого поведения формируются законодательными и исполнительными органами. В-третьих, положение об ответственности перед будущими поколениями возводит долг граждан по охране природной среды в ранг конституционной ценности.

Ценность конституционного долга по охране природной среды заключается и в возможности реализации гражданами права выбирать место своего жительства, права на получение полной, достоверной и

своевременной информации о состоянии окружающей среды, на отдых, на охрану здоровья и т. д. (ст. 30, 34, 40, 45 Конституции). Вместе с тем охрана окружающей среды является важнейшим направлением деятельности государства в данной области. Исходя из такой функции государства и конституционного принципа взаимных обязанностей государства и гражданина, установленного ч. 2 ст. 2 Конституции, качество окружающей среды является не индивидуальным благом отдельно взятого гражданина, а публичным. Поэтому конституционная обязанность каждого, а значит, и граждан Республики Беларусь по охране природной среды имеет значение и ценность для всего мирового сообщества в целом. Отсюда, как отмечает белорусский ученый Е.В. Лаевская, следует получающая все большее развитие в международном праве обязанность государства обеспечить такое состояние окружающей среды, которое дает возможность каждому человеку и гражданину в полной мере реализовать принадлежащее ему право на благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет ему вести достойную жизнь.

К сожалению, реализация конституционной обязанности по охране природной среды воспринимается общественной мыслью Беларуси как нравственно-воспитательное требование, что позволяет гражданам и другим правообязанным лицам относиться к необходимости выполнения конституционных норм, обеспеченных, помимо прочего, правом государства к возможному принуждению, не как к общеобязательным правилам поведения, а как к моральным обязательствам, которые можно не выполнять вообще или выполнять ненадлежащим образом. Думается, что ответственность за такое негативное положение в данном вопросе в большей степени лежит на законодателе, правоприменительных и правоохранительных органах.

УДК 343.192

И.Г. Смирнова, А.П. Суходолов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

Конституция Российской Федерации (ст. 10) провозглашает принцип разделения властей как основу конституционного строя: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». Указанная норма также закрепляет самостоятельность судебной власти наряду с иными ветвями власти.

Перед реформой 1864 г. императором Александром II в указе Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. была поставлена задача «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших», возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность. Данная задача, несмотря на проведенные и проводимые судебные реформы, является актуальной и по настоящее время. Самостоятельность, независимость судебной власти во многом обеспечивается путем реализации судом функции судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем вопрос о сущности судебного контроля в настоящее время с полной уверенностью можно отнести к разряду дискуссионных. Действительно, права личности признаются в государстве высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), но сам законодатель в целях изобличения виновных, привлечения их к уголовной ответственности и борьбы с преступностью в целом допускает возможность ограничения конституционных прав личности при производстве ряда следственных действий (например, обыск в жилище, выемка в жилище, контроль телефонных и иных переговоров и др.) путем применения мер принуждения (например, задержание, домашний арест, заключение под стражу), а также при производстве иных процессуальных действий (например, помещение лица в судебно-медицинский или судебно-психиатрический стационар). Гарантом законности процессуальных действий, связанных с ограничением конституционных прав участников уголовного судопроизводства, будет выступать суд. В этой связи вопросы реализации судом судебного контроля требуют своего однозначного разрешения.

Представляется, что для разрешения вопроса о природе судебного контроля и его соотношении с функцией правосудия следует выбрать обоснованный подход к толкованию правосудия. Ранее признавалась преобладающей концепция рассмотрения правосудия как единственной уголовно-процессуальной функции, осуществляемой судом (широкое толкование правосудия как всякой судебной деятельности по разрешению любого социального конфликта (правового спора). Однако со временем представителями уголовно-процессуальной науки была сформирована система критериев разграничения понятий «правосудие» и «судебный контроль» (узкое толкование правосудия как деятельности суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела в целях применения норм уголовного закона):

невозможность реализации функции разрешения дела по существу в досудебном производстве;

специфические черты (принципы) осуществления полномочий судьи на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, таких, например, как быстрота, сменяемость судей при осуществлении судебного контро-

ля, допустимость повторного участия судьи в деле, если он осуществлял полномочия в порядке ч. 2 ст. 29 УПК РФ (ст. 63 УПК РФ);

допустимость повторного обращения в суд при отказе в удовлетворении ходатайства о производстве действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан;

различный характер занимаемой судом позиции по делу (активная или пассивная роль суда);

осуществление судом в рамках судебного контроля полномочий контрольного, обеспечительного и распорядительного характера.

Следует отметить, что круг рассматриваемых судебных полномочий не является неизменным. В частности, в 2003–2015 гг. законодатель последовательно расширял либо конкретизировал пределы прав суда в сфере ограничения конституционных прав граждан. Действительно, уголовный процесс как социальная категория имеет под собой широкую общественно-правовую основу, в состав которой могут быть включены самые разнообразные факторы: конфликтные общественно опасные деяния, преступления, правовая база, определяющая поведение субъектов права и регламентирующая деятельность государственных органов и их должностных лиц, и др. Следовательно, уголовный процесс взаимодействует с иными социальными явлениями и также претерпевает под их влиянием трансформации.

В настоящее время только суд вправе принимать решения:

об ограничении права на личную неприкосновенность, а именно: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста; продлении срока содержания под стражей или срока домашнего ареста; помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы; производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ;

ограничении права на неприкосновенность жилища, в частности: о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; производстве обыска и (или) выемки в жилище;

ограничении тайны частной жизни, к каковым могут быть отнесены полномочия суда по принятию решений: о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; контроле и записи телефонных и иных переговоров; получении информации о соединении между абонентами и абонентскими устройствами;

ограничении имущественных прав: избрании меры пресечения в виде залога; производстве выемки заложенной или сданной на хране-

ние в ломбард вещи; производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях; наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; установлении срока ареста, наложенного на имущество, и его продлении в порядке, предусмотренном УПК РФ; временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ; реализации, утилизации или уничтожении вещественных доказательств, указанных в подп. «в» п. 1, подп. «б», «в» п. 2, п. 3, 6 и 7 ч. 2 ст. 82 УПК РФ;

возмещении имущественного вреда (п. 3¹ ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Анализ предписаний ч. 2 ст. 29 УПК РФ убеждает в том, что там отсутствует исчерпывающий перечень судебных решений, которые суд уполномочен принимать в ходе досудебного производства. Содержание уголовно-процессуального закона свидетельствует, что к исключительной компетенции суда в ходе досудебного производства помимо перечисленных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ относятся полномочия по принятию решений о наложении денежного взыскания (ст. 117, 118 УПК РФ); эксгумации, если близкие родственники или родственники покойного возражают против этого (ч. 3 ст. 178 УПК РФ); даче согласия Конституционным Судом РФ или квалификационной коллегией судей на избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении судьи Конституционного Суда РФ, судей иных судов (ст. 450 УПК РФ).

УДК 343-97

И.И. Соколовска

ОЦЕНКА И ВЛИЯНИЕ РИСКОВ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА РАБОТУ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СИТУАЦИИ ПРИЕМА БЕЖЕНЦЕВ

Международный пакт о гражданских и политических правах говорит о том, что право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никого нельзя произвольно лишить жизни. Руководствуясь Женевской конвенцией 1951 г. о статусе беженцев, которая основывается на международной солидарности и принципе разделенной ответственности, Латвийская Республика, несмотря на негативное общественное мнение, обязана принять участие в

размещении беженцев. На основании Конвенции люди, чья жизнь и свобода подвергнуты угрозам, имеют право просить защиту и возможность начать новую жизнь в стране, где их свобода гарантирована законом. Латвия является членом Женевской конвенции 1951 г. и протоколом 1967 г. утвердила свою позицию поддержки международному правовому режиму. Руководствуясь политическими тенденциями, Латвия обязана понять, что ситуация с нарастающим потоком беженцев неизбежна, поэтому государство обязано разработать правовые механизмы защиты национальных интересов государства и граждан от незаконопослушных вынужденных переселенцев, обязанных соблюдать и уважать законы и традиции принимающей страны.

Работа над данной проблемой активно ведется с сентября 2015 г. Путем международных переговоров принято решение о том, что Латвия обязана в течение двух лет принять более 700 беженцев, в основном переселенцев, находящихся на территории Италии и Греции. Министерство внутренних дел Латвии разработало план переселения и помощи беженцам, который был утвержден Кабинетом министров и принят к исполнению. МВД сообщило, что опасение вызывает финансирование и безопасность беженцев. Главной проблемой, по нашему мнению, законопослушной интеграции в общество является несоответствие восприятия беженцами особенностей наследия культуры и религии принимающей стороны. Не секрет, что большинство переселенцев исповедуют ислам. Закон европейского сообщества построен на традициях, непонятных переселенцам. Принимая беженцев, государство должно учитывать эту проблему и в первую очередь защитить интересы своих граждан, сохранить культурное наследие своей страны. Государство обязано провести обширный анализ криминогенной ситуации, которая возникнет при большем количестве беженцев, определить риски, с которыми, возможно, столкнется государство и граждане, живущие в нем, но в тоже время не ограничивать права человека, предусмотренные международными правовыми документами.

В вышеуказанном плане приема беженцев МВД Латвии четко указало критерии отбора беженцев, прибывающих в Латвию. Критерии разработаны на основании общепринятых норм прав человека и учитывают специфику культуры и религии государства. К сожалению, в документе не были указаны конкретные меры, гарантирующие безопасность жителей, а также риски, к которым государство должно быть готово. Такая политика объяснима, поскольку в Латвии не проведено исследование существующих и возможных рисков в сфере безопасности, нет общей статистики о том, как часто совершают преступления нелегальные переселенцы, какова тяжесть совершаемых преступлений, каковы их последствия.